Мы должны очень бережно хранить то духовное наследие, которое получили, и никогда не стать «иванами, не помнящими родства»

[gallery order="DESC" columns="4"]

Интервью председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата архиепископа Волоколамского Илариона пресс-службе Рашско-Призренской и Косовско-Метохийской епархии Сербской Православной Церкви

– Ваше Высокопреосвященство, Вы впервые на святой Косовской земле. Можете хотя бы вкратце рассказать нам о своих впечатлениях?

– У меня очень сильные и очень яркие впечатления. И конечно, впечатления эти двоякие – и радостные, и скорбные. Радостно для меня то, что я впервые посетил Косовский край, который является колыбелью сербского христианства, увидел великие святыни: монастырь Грачаница, монастырь Дечаны, древнюю Печскую Патриархию, увидел те замечательные памятники православного искусства, которые по милости Божией уцелели. Я смог увидеть совершенно потрясающие фрески, особенно в монастыре Дечаны, которые, слава Богу, прекрасно сохранились, несмотря на все исторические перипетии и трагические обстоятельства. Я познакомился с замечательными людьми, которые здесь живут, несмотря на все пережитые трудности и испытания, – с владыкой Артемием, владыкой Феодосием, сестрами монастыря Грачаница, братией монастыря Дечаны, братией монастыря Баньска, с клириками епархии, благочестивыми мирянами, которые здесь трудятся. Все это относится к радостным впечатлениям.

А тяжелые и скорбные впечатления связаны с тем, что я впервые своими глазами увидел то, о чем много читал, о чем много слышал, о чем мне даже приходилось не раз говорить публично: варварское разграбление христианского наследия этого края, которое происходило здесь в последние годы, разрушение святынь и уничтожение храмов, которое происходило вплоть до настоящего времени. Мы вместе с владыкой Артемием посетили не только сохранившиеся святыни, но и те храмы, которые разрушены, которые сейчас лежат в руинах, и те храмы, которые восстанавливаются, но еще очень далеки от того, чтобы можно было сказать, что они действительно восстановлены, и даже посетили те места, где когда-то был храм, а теперь там просто пустырь или сквер.

Когда я посещал эти места, я, конечно, думал о многом. Думал о том, какой огромный негативный потенциал есть в людях и как важно держать под контролем этот негативный потенциал и учить людей таким образом, чтобы все хорошее в них проявлялось, а все плохое, что у них есть, постепенно исправлялось. Если дать волю злому потенциалу, если поощрять насилие, тогда свобода и вседозволенность могут привести и к человекоубийству, как это происходило здесь, и к геноциду, к тому, что один народ изгоняет другой, к тому, что святыни одного народа варварски попираются и разрушаются другим народом.

Я также вспоминал историю моей страны – России. Ведь у нас тоже были и разрушенные и оскверненные храмы, были церкви, превращенные в склады, в отхожие места, в музеи атеизма; все это делали не некие иноземные варвары, а наши же русские люди. И это заставляет о многом задуматься. Мы должны очень бережно хранить то духовное наследие, которое получили, и никогда не стать «иванами, не помнящими родства».

И вот еще о чем я думал и о чем говорил монахам, когда посещал эти святыни. Сейчас и в Дечанах, и в Грачанице, и в других монастырях Сербской Православной Церкви, находящихся на Косовской земле, монахи живут как на островах, окруженные колючей проволокой и пока еще, слава Богу, окруженные охраной международных миротворческих сил, а вокруг – враждебно настроенное местное население.

Те люди, которые здесь живут, те монахи и монахини, которые здесь трудятся, – это исповедники православной веры, и я бы хотел низко поклониться им за подвиг, который они здесь несут. Эти святыни будут сохраняться до тех пор, пока здесь существует монашеская жизнь, пока здесь есть живые люди. Если, не дай Бог, оскудеют у монахов духовные силы, если не хватит у этих монастырей сил, чтобы и дальше пополняться молодыми иноками, то они в лучшем случае превратятся в музеи, а в худшем – будут разграблены и уничтожены так же, как это происходило с многими другими храмами и монастырями Косовской земли. Поэтому самое важное – чтобы те, кто здесь остались, несмотря на все трудности и лишения продолжали жить на этой земле. Я верю,

что Господь будет помогать им, будет защищать их и защищать вместе с ними те священные места, хранителями которых они являются.

– Насколько отличается то, что человек может узнать и почувствовать, читая книги о Косово и смотря фотографии и фильмы, от того, что он может почувствовать, когда все видит своими глазами?

– Когда видишь своими глазами, то все пропускаешь через сердце. Конечно, когда читаешь, когда слышишь свидетельства очевидцев, ты тоже с этим соприкасаешься, но прийти и увидеть очень важно. Для меня было важно сюда приехать, прежде всего, потому, что я не так давно стал председателем Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата и в Русской Церкви отвечаю за связи с Поместными Православными Церквами. Это значит, что моя прямая обязанность, мой служебный долг – посещать Поместные Православные Церкви. Но помимо служебного долга есть еще и некая сердечная потребность быть лично в тех местах, где людям трудно. Мой визит – это пусть и очень скромный, но знак солидарности с теми людьми, которые здесь живут, которые здесь трудятся и которые здесь страдают. И это напоминание о том, что Русская Церковь всегда была и всегда будет вместе с Сербской Православной Церковью во всех ее испытаниях.

– Мы чувствуем огромную радость оттого, что Вы приехали первым делом именно в Косово, где тяжело живется сербам, православным христианам. И в этом мы чувствуем заботу Русской Православной Церкви. Вместе с тем мы чувствуем заботу и Российского государства, ощущаем единство усилий, которые в этом направлении предпринимаются. Это удивительное явление новейшего времени после многих лет разрыва связи между государством и Церковью. Теперь оказывается, что они сближаются и походят к тому типу отношений, который в византийское время назывался «симфонией». Можно ли сейчас говорить о чем-то подобном в России?

– Можно говорить о «симфонии» между Церковью и государством в современной России, хотя термин «симфония» в Византии обозначал некий идеал, который никогда не был достигнут. Мы знаем, что в византийской симфонии все-таки был один «дирижер» – этим дирижером был император. Симфония, которую мы сейчас пытаемся построить в России, основана на несколько иных принципах.

Первый принцип – это невмешательство Церкви и государства во внутренние дела друг друга. Церковь не должна вмешиваться в политику. Церковь не должна поддерживать одну политическую партию в противовес другой, одного политического лидера в противовес другому. Церковь не должна занимать ту или иную сторону в политической борьбе. Она должна всегда

быть «над схваткой», должна быть открытой для людей любых политических ориентаций, кроме экстремистских или шовинистических. Церковь должна быть Матерью для всего народа.

Государство, в свою очередь, не должно вмешиваться во внутренние дела Церкви, например, влиять на назначение епископов или диктовать свои условия при создании внутрицерковного устава. Принцип взаимного невмешательства должен очень четко соблюдаться, и это сейчас происходит.

Второй принцип – это принцип взаимодействия между Церковью и государством во всем, в чем такое взаимодействие необходимо. А оно необходимо в очень многих сферах, ведь Церковь существует не только для того, чтобы, как говорили в советское время, «удовлетворять религиозные потребности» людей. Церковь существует прежде всего для того, чтобы делать жизнь людей лучше, а это произойдет, если сами люди будут становиться лучше. У Церкви есть огромная нравственная сила, есть способность преображать жизнь людей, государство же обладает материальными ресурсами для улучшения их благосостояния, и есть такие проблемы, которые невозможно решить без совместных усилий государства и Церкви, например, демографический кризис. У демографического кризиса есть экономическая составляющая, и здесь необходима помощь государства, необходима стратегия, которая помогла бы восстановить воспроизводство населения. Но есть и духовная составляющая этого кризиса – это, прежде всего, утрата традиционного представления о семье. И вот здесь необходим моральный авторитет Церкви, необходимо усилие и тоже, если хотите, стратегия, которая была бы направлена на воссоздание традиционного образа семьи.

– Церковь не вмешивается в политику, но у русского народа есть интересы, которые выше политических. Эти интересы очень хорошо выразил Святейший Патриарх Кирилл, когда говорил о том, что такое Святая Русь. Насколько Церковь и государство едины в защите этих интересов?

– Следует отметить, что Русская Православная Церковь – это не только Церковь России, но в равной степени и Церковь Украины, и Церковь Белорусии, Молдавии и других стран, входящих в ее каноническую юрисдикцию. До недавнего времени в кабинете Патриарха Московского и всея Руси в Даниловом монастыре стояли два флага: один зеленый с Патриаршим вензелем, а другой - флаг Российской Федерации. Патриарх Кирилл распорядился поставить там флаги всех стран, которые входят в юрисдикцию Русской Православной Церкви: это все республики бывшего Советского Союза, кроме Армении и Грузии, плюс Япония и Китай. Так что теперь в Патриаршем кабинете пятнадцать государственных флагов. Русская Православная Церковь не может быть выразительницей интересов только России как государства. Она по своей многонациональной природе шире, а поэтому у нее и видение другое. И на постсоветском пространстве это, пожалуй,

единственная сила, способная консолидировать те народы, которые до недавнего времени ощущали себя единым народом и которые до сих пор составляют единое духовно-культурное пространство.

– Уважаемый Владыка, вы представляете Русскую Православную Церковь в Смешанной комиссии по диалогу православных и римо-католиков. Мы слышали, что в Белграде были какие-то трудности в связи с голосованием, хотелось бы более точно узнать, что там происходило.

– На заседании в Белграде мы не соглашались с некоторыми формулировками текста; их поставили на голосование, мы оказались в меньшинстве, нас никто не поддержал. Тогда я выразил протест кардиналу Вальтеру Касперу, который вел заседание. Я настаивал на том, что вопросы в богословском диалоге не могут ставиться на голосование, но должны решаться консенсусом. Если хотя бы одна Церковь не согласна, значит, формулировка должна или меняться, или вообще исключаться из текста.

– Потом, в Равенне, возникли другие трудности – делегация Русской Православной Церкви ушла с заседания в самом начале. Расскажите об этом.

– В Равенне мы покинули зал заседания, потому что в нем участвовала «Эстонская православная церковь Константинопольского Патриархата», которую мы не признаем. В прошлом году предстоятели поместных православных церквей договорились о том, что в богословских диалогах будут участвовать только автокефальные Церкви, а автономные не будут. Таким образом, была снята проблема участия «Эстонской церкви Константинопольского Патриархата», и мы смогли вернуться к диалогу. Но мы вернулись, пропустив два важных заседания: одно в Равенне, на котором были приняты формулировки, для нас неприемлемые, против них я выступал еще в Белграде; другое – на Крите, где начали готовить документ о роли Римского епископа в первом тысячелетии.

Равеннский документ – это текст, в составлении которого Русская Православная Церковь не участвовала, она его не одобрила, и нашей подписи под этим текстом нет и не будет.

На недавнем заседании на Кипре мы начали обсуждать новый текст, проект которого готовился в наше отсутствие. Сейчас мы его редактируем. Пока этот текст не опубликован, мы изучили только его половину, поэтому я не могу публично давать ему оценку. Могу только сказать, что критических замечаний очень много, и у меня совсем нет уверенности, что данный текст удовлетворит все Поместные Православные Церкви. Но это станет ясно на следующем заседании Комиссии, которое состоится в Вене в сентябре 2010 года.

– Что Вы могли бы сказать о работе Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, который Вы с недавнего времени возглавляете?

– Русская Православная Церковь всегда открыта к диалогу. Наша система внешних церковных связей очень многообразна: это и взаимоотношения с Православными Церквами, и связи с различными инославными церквами и общинами, и связи с государственными структурами, с соотечественниками за рубежом.

Мы готовы к диалогу по самым сложным вопросам и неизменно готовы оказывать помощь там, где люди в этой помощи нуждаются. Надеюсь, что Русская Православная Церковь и дальше будет осуществлять свою внешнюю деятельность, исходя из этих принципов.

– Мы очень признательны Вам, Владыко, за то, что Вы согласились ответить на наши вопросы. Искренне надеемся, что следующая наша с Вами встреча на этой святой Косовской земле будет проходить в гораздо более благоприятных для сербского народа условиях и не сомневаемся в том, что русский народ в лице его Церкви и его государства всеми силами будет способствовать этому.

Источник: https://mospat.ru/ru/news/58300/